

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Н. Ф. Котляр

КНЯЖЕСКИЙ ДВОР ГАЛИЧА В XII ВЕКЕ

Галицкое княжество и его стольный град Галич принадлежат к довольно поздним (в сравнении с другими южнорусскими княжествами, землями и городами) социально-политическим образованиям. Историки издавна удивлялись необычно позднему появлению на страницах источников *города* Галича. Знаток истории древнерусских городов М. Н. Тихомиров по этому поводу писал: «Галич появляется в наших летописях как бы внезапно в 1140 г., когда в нем оказывается князем знаменитый Володимерко Володаревич»¹. Ученый имел в виду рассказ Киевской летописи под 1140 г. о феодальной смуте на Руси, когда Всеволод Ольгович, лишь незадолго перед тем усевшийся в Киеве, пошел войной на Андрея Владимировича (Боголюбского), княжившего в Переяславле Южном. Среди князей, призванных Всеволодом в поход, видим и «Володаревича из Галича Володимерка»². Подобно Галичу, князь Володимерко Володаревич появляется в летописи тоже внезапно, немного раньше этого города. Этот феномен нуждается в объяснении.

Галицкое княжество образовалось в основном на территориальной основе двух древних волостей, Теробовльской и Перемышльской, принадлежавших Галицким князьям-Ростиславичам³. В него вошли также новые земли на западе, севере и юге, которые начали активно осваиваться приблизительно с середины XI в.⁴ Постепенно складывалась Галицкая областная территория, в разных точках которой в конце XI — первой половине XII в. поднимаются новые центры власти: Звенигород, а за ним и Галич.

«Горная страна Перемышльская», как называет ее галицкий летописец XIII в., была, на мой взгляд, древнейшим территориальным образованием на пространстве будущей Галицко-Волынской Руси. Исходя, в частности, из того, что в первом известии Повести временных лет о Перемышле (981 г.) он назван перед одним из старейших городов региона Червеном⁵, ученые допускают, что уже тогда он был центром создания особой земли⁶.

---

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 329. Вообще-то эта дата представляется очень сомнительной, потому что из летописного известия 1141 г. известно, что до того времени в Галиче княжил Иван Василькович и лишь тогда его сменил на Галицком столе Володимерко Володаревич.

² Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 218.

³ Как известно, существовали, правда, позднее, с середины XII в., Ростиславичи смоленские и киевские, главой которой был внук Мономаха Ростислав Мстиславич.

⁴ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С. 75—117.

⁵ «Иде Володимеръ к ляхомъ и зая грады их, Перемышль, Червень и ины грады...» (Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и комм. Д. С. Лихачева. СПб., 1999. С. 38).

⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 132.

Для темы моего рассказа Перемышль представляется особенно важным, поскольку с этого города и его земли в XII в. началось формирование территории будущего Галицкого княжества. Исследователи неоднократно подчеркивали выгодное географическое расположение Перемышля, возле которого (или даже через который!) проходил древний торговый путь из германского города Регенсбурга через Прагу и Краков на Русь⁷. Известные мне письменные источники умалчивают о возникновении Перемышля и первых десятилетиях его существования. Археологические же памятники свидетельствуют о том, что *град* Перемышль возник во второй половине X в. Вовсе не случайно Перемышль считался на Руси первым столом уже сложившегося Галицкого княжества во второй половине XII в.

При всей скудости известий летопись все же отразила сложные и противоречивые процессы складывания Перемышльской земли (княжества) вокруг ее главного центра. Повесть временных лет под 1086 г. свидетельствует, что тогда в Перемышле существовал княжеский стол, который занимал старший среди братьев-Ростиславичей Рюрик. В том году убийца Ярополка Изяславича Нерядец «бѣжа... Перемышлю к Рюрикови»⁸. Рюрик Ростиславич находился в оппозиции к Киеву и, вероятно, поэтому предоставил убежище убийце сына недавнего киевского государя Изяслава Ярославича.

Когда в 1092 г. Рюрик умер, его княжество перешло к следующему по времени рождения брату — Володарю. В решении знаменитого в исторической литературе Любечского княжеского съезда 1097 г. содержится исключительно важное свидетельство существования в юго-западном регионе Руси уже двух княжеств: Перемышльского и Теробовльского: «Кождо да держить отчину свою... А им же роздаяль Всеволод⁹ городы: Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теробовль Василкови»¹⁰. Названы главные действующие лица кровавой драмы, развернувшейся вокруг Теробовля вскоре после завершения Любечского съезда. Всеволод Ярославич скончался в 1093 г., следовательно, Володарь и Василько получили от него соответственно Перемышль и Теробовль не позже 1092—1093 г.

Поньше Теробовль остается едва изученным. Письменные источники почти ничего не знают о городе, археологически же он мало исследован. Не найдено даже детинца Теробовля. Историки допускают, что его древнерусские фортификации были построены на Замковой горе и полностью скрыты во время строительства позднейшей средневековой крепости. Археологи обнаружили в Теробовле остатки укреплений по обе стороны реки Серета, задачей которых было затруднить подступы к твердыне города. Частично сохранились также два ряда валов (расстояние между ними 120 м), окружавших город древнерусского времени. Обнаружен также древнерусский культурный слой¹¹.

Княжеский стол в Теробовле, на мой взгляд, не имел самостоятельного значения. Сначала он подчинялся Перемышлю, а позднее, когда возник Галич, — этому стольному граду Галицкого княжества. Не последнюю роль в этом сыграло окраинное расположение Теробовля: на рубеже с Киевской землей. И после складывания Галицкой земли Теробовль оставался ее пограничным городом. В 1153 г. киевский государь Изяслав Мстиславич пошел войной на Ярослава Владимировича галицкого. Противники встретились на р. Серет возле Теробовля, т. е. на восточном рубеже Галицкого княжества. Галичане были разбиты и «въбѣгоша тогда в городъ свой Теробовель»¹². Насонов метко назвал этот город «воротами в Галичский край»¹³.

На второстепенное положение Теробовля в Перемышльском княжестве указывают также, как мне кажется, слова Владимира Мономаха и Святополка, тогда совместно правивших на Руси, обращенные к Володарю Ростиславичу после Витичевского княжеского «снема» 1100 г.: «Поими брата своего Василка

⁷ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 336.

⁸ Повесть временных лет. С. 88.

⁹ Великий киевский князь в 1078—1093 г. Всеволод Ярославич.

¹⁰ Повесть временных лет. С. 110.

¹¹ Ратич О. О. Давньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957. С. 70—71.

¹² Летопись по Ипатскому списку. С. 322.

¹³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. С. 136.

к собѣ, и буди вама едина власть [волость] Перемышль»¹⁴. Эти жестокие слова (дуумвиры решили отнять Теробовльское княжество у слепого князя) были их своеобразной реакцией на ослепление Василька Давидом Игоревичем, домогавшимся его владений. Вместо того чтобы покарать Давида, Мономах со Святополком потворствовали ему. Но «не послуша сего Володарь, ни Василко»¹⁵. Ростиславичи с оружием в руках отразили посягательства Святополка на их волость. Они сумели удержать свои княжества до смерти. Василько умер в Теробовле в 1124 г., а Володарь в Перемышле годом позднее¹⁶.

После кончины Василька Ростиславича провинциальный и до того Теробовль быстро приходит в упадок, ему не нашлось места на политической карте Галицкой земли эпохи удельной раздробленности. Подобно волынским протогородам Червену и Вольню он так и не перерос в подлинный феодальный город. В этом качестве его как бы заменил Звенигород Галицкий. В последние, не богатые событиями годы княжения Ростиславичей в западнорусском регионе происходят важные общественно-политические и экономические изменения. В недрах традиционных волостей, Перемышльской и Теробовльской, вызревают и складываются новые земельные структуры, проявлением чего и стало внешне неожиданное, а в действительности обусловленное ходом предыдущего развития выдвижение на первый план исторической сцены новых, не отягощенных родоплеменными традициями городов — Звенигорода и Галича.

Впервые Звенигород появляется на летописных страницах под 1086 г. Нарушитель спокойствия Южной Руси Ярополк Изяславич, не желавший довольствоваться провинциальным в те годы Владимиром Волынским, «пересѣдев мало дней, иде Звенигороду»¹⁷. И не дошедшу ему града, и прободень бысть от проклятаго Нерадьця...»¹⁸. Историки не пришли к единому мнению относительно инициатора убийства Ярополка. Одни считают, что им был Рюрик Ростиславич, другие — что Нерядца подослал Давид Игоревич, не могущий смириться с тем, что вследствие мирного соглашения с Владимиром Мономахом (который правил на Руси от имени отца Всеволода Ярославича) Ярополк получил г. Владимир, на который тщетно претендовал сам Давид¹⁹. Из косвенных свидетельств источников можно сделать вывод, что в Звенигороде тогда сидел средний брат-Ростиславич — Володарь.

Политическая история Звенигорода конца XI — первого десятилетия XII в. вовсе не отражена в древнерусских источниках. Из «Истории» польского ученого Яна Длугоша (XV в.) известно, что после смерти Рюрика Ростиславича (1092 г.) в Перемышле сел его брат Володарь. Он разделил свою волость между сыновьями. Старшему Ростиславу он завещал Перемышль, а младшему Володимерку достался Звенигород²⁰, тогда маленький и провинциальный город. По мнению археологов, детинец Звенигорода был возведен во второй половине XI в. Тогда же возник и его посад. К 40-м г. XII в. Звенигород разросся и имел тогда окольный град²¹.

Завещав перед кончиной Перемышль с землей Ростиславу, Володарь решил выделить особый стол младшему сыну Володимерку, вероятно, ради того, чтобы он не посягал на владения старшего брата. Итак, решением Володаря Ростиславича в 1124 г. в составе Перемышльского княжества возникло небольшое удельное княжество — Звенигородское.

Однако энергичный и неразборчивый в средствах Володимерко не пожелал удовлетвориться скромным и удельным столом Звенигорода. Вскоре после смерти отца он попытался отнять у брата

¹⁴ Повесть временных лет. С. 116–117.

¹⁵ Там же. С. 117.

¹⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 208; Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. СПб., 1863. Т. IX. С. 152; см. также: Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X au XIII siècle. Roma, 1928. Tabl. III. P. 16.

¹⁷ На Ростиславичей.

¹⁸ Повесть временных лет. С. 88.

¹⁹ См.: Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. С. 77.

²⁰ Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1969. Ks. 3/4. S. 370–371; см. также: Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVIII вв. Л., 1978.

²¹ Терский-Шеломенцев В. С. Исследования детинца Звенигорода Галицкого // Советская археология. 1978. № 1. См. также другие работы этого автора, многие годы археологически исследовавшего Звенигород.

Ростислава Перемышль. Длугош пишет, что это произошло в 1127 г. Но Володимерко получил отпор. Польский средневековый историк свидетельствует, что Ростислава Володаревича поддержал сын и преемник Владимира Мономаха на киевском великокняжеском престоле Мстислав. На его стороне оказались также сыновья Василька Ростиславича Григорий (Ростислав) и Иван (Игорь). Тогда Володимерко обратился за помощью к венгерскому королю. Но венгры в те годы, очевидно, не желали вмешиваться в Галицкие дела.

Мстислав Владимирович попытался помирить братьев, но Володимерко упрямо стоял на своем, был побит братом Ростиславом и бежал с семейством в Польшу. Ростислав попытался овладеть Звенигородом, но это ему не удалось²². Тогда Васильковичи княжили в отцовском домене, в Теревольском княжестве. Вероятно, Григорий был старшим, ибо сидел в самом Тереволе, а младшему, Игорю, достался новый стол — в недавно возникшем Галиче²³.

Как было сказано, упоминания о городе Галиче в письменных источниках начинаются достаточно поздно: ближе к середине XII в., когда на Руси бушевала метель удельной (феодалной) раздробленности. Западнорусский край пребывал на периферии социально-политических и экономических процессов Древнерусского государства, которые развертывались в Среднем Поднепровье. Разве что волынские князья стремились внести свою долю в эту «замятню», не утихавшую на Руси вплоть до XV в.

Между тем, отдельные историки, прежде всего весьма патриотически настроенные галицкие (львовские), издавна, с XVIII в., предпринимают попытки «удревнить» Галич, утверждая, будто бы город возник на несколько столетий раньше первого упоминания о нем в авторитетном источнике²⁴. Для этого использовались и используются тенденциозно подобранные и истолкованные письменные и вещественные источники²⁵. Но при этом сознательно отодвигали в тень ключевой вопрос: о времени перерастания сельского поселения в подлинный городской центр, т. е. о времени действительного возникновения города Галича. Ведь нет оснований подвергать сомнению тот факт, что поселение на Крылосской горе существовало с IX, а то и с VIII в., но оно оставалось неукрепленным, а наличие укреплений (один из определяющих признаков средневекового города!) — до конца XI — начала XII в.

Стремление во что бы то ни стало доказать существование города Галича в XI в. и даже раньше основывается на априорной уверенности в том, что этот центр будто бы древней Галицкой земли²⁶ должен был обязательно родиться тогда же, а то и раньше, чем когда возникли старейшие города западнорусского региона Червен, Перемышль, Волынь. Но ведь Галицкая земля относится к числу поздних (в условиях Южной Руси) территориально-политических образований. Подобно самому Галичу, города, вокруг которого эта земля сложилась, она выдвигается на историческую сцену около середины XII в.²⁷

Оставляя в стороне напрасные, как мне думается, попытки объявить Галич особо древним городом²⁸, найти ему место на политическом пространстве Руси XI или даже X в., следует отметить, что Галич, по моему мнению, вовсе не случайно впервые упоминается в источнике именно под 1141 г. Ведь процесс усиленного возникновения городов на Руси с 40-х годов XII в. был повсеместным и в полной мере дал себя знать на юго-западе ее этнической и политической территории, потому что все без исключения города, родившиеся в Галицкой земле в XII в., упоминаются в летописи лишь с 40-х годов: Галич (1141), Голые Горы, Микулин, Тисмяница, Ушица (1144), Санок (1150), Болшево, Ярослав (1152), Кучелмин (1159) и др.²⁹ Все это не может быть случайным и

²² Jana Diugosza Roczniki czyli Kroniki siawnego Królestwa Polskiego. S. 165.

²³ Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 116–118.

²⁴ Киевская летопись под 1140 (1141) годом.

²⁵ См., напр.: Аулих В. В. Историческая топография древнего Галича // Славянские древности. Киев, 1980.

²⁶ В. В. Аулих даже назвал одну из своих работ: «Из истории Галицкой земли V–X вв.» (в кн.: Київська Русь. Культура. Традиції. Київ, 1982), хотя понятно, эта земля еще не существовала не то что в пятом, но и в десятом веке!

²⁷ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волинской Руси IX–XIII вв. С. 75–76.

²⁸ Недавно местные власти громко отпраздновали... 1100 летний его юбилей!

²⁹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 37–39.

подтверждает мысль, что Галицкая земля в юго-западном регионе принадлежит к тем, которые сложились сравнительно поздно, во второй половине XII в.

Тем временем война 1126 г. между Ростиславом и Володимерком Володаревичами не принесла успеха последнему. К сожалению, древнерусские летописи, даже наиболее осведомленная в южнорусских делах Киевская XII в., до начала 40-х г. XII в. ничего не знают о событиях в Перемышльской, Теробовльской и Звенигородской волостях. Возможно, Ростислав княжил в Перемышле вплоть до кончины, назвать дату которой, даже приблизительно, невозможно. Предложенный Н. Г. Бережковым год его смерти — 1128³⁰ — можно принять разве что условно.

В промежутке времени между 1126 и 1140 годами умер также старший сын Василька Ростиславича Григорий. Когда в 1140 г. великий князь киевский Всеволод Ольгович пошел на Вольнь, он «Ивана Василковича, и Володаревича из Галича Володимерка, на Вячеслава и на Изяслава на Мстиславича посла»³¹. Однако не следует принимать на веру это сообщение. Ведь под следующим, 1141 годом Киевская летопись извещает: «Сего же лѣта преставися у Галичи Василковичъ Иванъ, и прия волость его Володимерко Володаревичъ, сяде по обою волостью княжа в Галичи»³². Возможно, в статье Киевского извода 1140 г. речь шла о частном пребывании Володимерка в Галиче, возле Ивана Васильевича — он, как следует из дальнейших рассказов источника, был искусным мастером интриги и был способен вызывать к себе доверие без малейших к тому оснований.

Более вероятным представляется мне иное. Слова «из Галича» в статье 1140 г. могли принадлежать кому-то из первых переписчиков Киевской летописи (XIII—XIV в.), знавшему, что Володимерко последние годы жизни просидел на Галицком столе.

Опираясь на приведенные и некоторые другие скудные и отрывочные свидетельства письменных источников, попытаюсь с особенно необходимой в таких случаях осторожностью коротко представить политическую историю Перемышльской, Теробовльской и Звенигородской волостей, а далее уже Галицкой земли 20—40-х годов XII в., времени, когда она стремительно складывалась.

После смерти Григория (Ростислава) Васильевича его стол в Теробовле достался младшему брату Ивану (Игорию). Заметим, что Иван не перебрался на место брата в Теробовль, а решил остаться в Галиче. Возможно, к началу 40-х годов новый политический центр Галич уже преобладал над Теробовлем, поскольку был более выгодно расположен в стратегическом отношении, в центральной части быстро формировавшейся Галицкой земли. Галич развивался быстрыми темпами и постепенно оттеснил на второй план затерянный в горах, отдаленный от центра новой земли Перемышль, не говоря уже о Теробовле, так и не ставшем значительным городом³³.

О стремительном возрастании Галича в течение второй половины XII в. свидетельствует тот красноречивый факт, что археологи открыли около 30 каменных храмов того времени в самом городе и на его окраинах, значительная часть которых уже исследована³⁴. Город стоял на полноводной судоходной реке Днестр (вернее, на ее притоке Лукве, недалеко от впадения ее в Днестр), природной торговой магистрали, связывавшей Галич с рынками Юга, прежде всего византийскими и ближневосточными. Широко известно свидетельство Киево-Печерского патерика о громадном значении привоза соли из Галича в Киев и Среднее Поднепровье³⁵. Историки издавна отмечали ведущее значение Галича в большой международной торговле Древнерусского государства с Византией и Венгрией³⁶.

В ходе раскопок установлено, что княжеский дворец (упоминающийся в Киевской и Галицко-Вольнской летописях) был расположен в нагорной части Галича, на княжеском дворе, носившем

³⁰ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 60.

³¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 218.

³² Там же. С. 221.

³³ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Вольнской Руси IX—XIII вв. С. 79.

³⁴ Гончаров В. К. Древний Галич // Вісник АН УРСР. 1956. № 1; *Rannonport* П. А. Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 108—111.

³⁵ Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 207.

³⁶ Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. I. С. 340, 343.

поэтическое название Золотой Ток. Археологические исследования 1940—1941 г. открыли остатки большого деревянного строения (погибшего во время пожара) — княжеского дворца и множество керамических плиток, украшавших его стены³⁷. Из сообщения Галицко-Волынской летописи о событиях начала 1230-х годов ученые сделали вывод, что дворец Даниила Галицкого был деревянным³⁸. Возможно, не полностью, но по крайней мере та часть, в которой находился парадный банкетный зал.

Двор Володимерка Володаревича

Трудно сказать, из какого материала был построен дворец далекого предшественника Даниила на Галицком столе, Володимерка Володаревича. Он упоминается лишь однажды в Киевской летописи под 1152 г.: «Володимиръ поиде к божници къ святому Спасу на вечернюю; и якоже бы на переходѣхъ до божници, и ту видя Петра³⁹ ѣдуща и поругася ему», после чего «иде на полати», где его и догнала неумолимая смерть, то ли от инсульта, то ли от инфаркта⁴⁰.

На основе этого текста и используя археологические остатки дворца в Галиче, Н. Н. Воронин пришел к выводу, что «хоромы построенного до 1152 г. княжеского двора в Галиче были связаны непосредственно с дворцовой церковью Спаса системой высоких переходов. Двухэтажные хоромы дворца с их лестничной башней — “сенями” и переходами к дворцовому храму образовали характерный и живописный ансамбль, очень типичный для XII в... Галицкий дворец ближайшим образом напоминает несколько более поздний дворцовый ансамбль, созданный князем Андреем в Боголюбском замке»⁴¹.

Действительно, согласно результатам многолетних исследований Н. Н. Ворониным памятников зодчества Владимиро-Суздальской Руси, в частности расположенных во Владимире, Суздале и Боголюбове, Боголюбский замок (детинец) Андрея Юрьевича, дворец и собор были построены приблизительно одновременно (1158—1165 г.) и, вне сомнения, одними и теми же зодчими. Сохранились остатки строений, дополненные материалами раскопок 1934—1938 г., что позволило реконструировать в общих чертах весь ансамбль.

Детинец в Боголюбове располагался на высоком берегу р. Клязьмы и был окружен земляными валами с деревянными стенами на них и каменными башнями. Дворцовый ансамбль состоял из нескольких строений. Центральной его частью был собор, севернее которого возвышался каменный дворец, связанный с хорами собора монументальным каменным же переходом. Дворец не сохранился до наших дней, существует лишь каменная лестничная башня. «По своему культурно-историческому значению и историко-культурному содержанию Боголюбский замок не уступает современным ему западноевропейским замкам, отличаясь от них своеобразным решением и красотой ансамбля...»⁴²

Основную роль в складывании городского облика Галича сыграли ремесла и торговля. Он был значительным ремесленно-торговым центром Древнерусского государства, мало уступая Киеву, Чернигову, Новгороду и Владимиру на Клязьме. Об этом, в частности, свидетельствуют археологические находки, большинство материалов которых, к сожалению, мало обобщены и опубликованы. В свое время М. Н. Тихомиров справедливо заметил: «Если бы внимание археологов устремлялось бы не столько на описание “золотых токов” для воображаемых турниров, мы могли бы представить себе картину богатого средневекового города с развитым ремеслом»⁴³. Ремесленниками был заселен крупнейший по площади район древнерусского Галича, «Предградье», по площади почти равный Подолу Киева XII—XIII в. Археологи обнаружили фундаменты церквей, наземных жилищ, усадеб феодалов, ремесленных мастерских и др.

³⁷ Гончаров В. К. Древний Галич // Археологія Української РСР. Київ, 1978. Т. III. С. 224.

³⁸ «Крамоль же бывши въ безбожныхъ боярехъ галицкихъ... Сѣдящимъ же имъ в домѣ [дворце Даниила] и хотящимъ огнемъ зажечи...» (Галицко-Волыньскій літопис. Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М. Ф. Котляра. К., 2002. С. 93).

³⁹ Посол киевского князя Изяслава Мстиславича, смело и независимо разговаривавший с ним.

⁴⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 319—320.

⁴¹ Воронин Н. Н., Каргер М. К. Архитектура // История культуры Древней Руси. Т. II. М.; Л., 1951. С. 281—282.

⁴² Там же. С. 317.

⁴³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 322—333.

И все же Галич времен, когда в нем уселся Володимерко Володаревич, вовсе не был столь цветущим городом, каким выступает в письменных и археологических источниках второй половины XII—XIII в. Способствовал его развитию и обогащению сам князь Володимерко, человек вообще-то мало симпатичный, жестокий и предательский. Он был вторым сыном перемышльского князя Володаря Ростиславича и какой-то померанской княжны. Около 1117 г. Володимерко женился на дочери венгерского короля Коломана⁴⁴. С первых лет политической карьеры он соперничал с киевским и волынскими князьями, стремясь к независимости от них и расширению своих владений. Он был еще звенигородским князем, когда Всеволод Ольгович черниговский, взойдя на киевский престол, пошел войной на волынского князя Изяслава Мстиславича, будущего киевского государя. Тогда Володимерко поддержал Всеволода⁴⁵, но не стал его вассалом, о чем можно судить по следующему эпизоду.

Через несколько лет (в 1144 году) Всеволод Ольгович посадил во Владимире Волынском своего сына, но Володимерко не согласился с этим. Киевский летописец бесстрастно заметил: «В то же лето роскогоростася Всеволодъ с Володимѣркомъ про сына, оже сѣде сынъ его Володимири, и почаста [Всеволод] на ся искати вины. И Володимерко възверже ему грамоту хрестъную. Всеволодъ же с братьею иде на нь»⁴⁶. В этом эпизоде, словно в капле воды, отразился вспльчивый характер Володимерка, его гордый нрав, — все то, что бросает свет на его отношения с ближайшим окружением, его двором и галицкими боярами, о чем речь пойдет далее.

Всеволод не смирился с демонстративным выходом Володимерка из-под его руки: ведь тот публично «възверже ему грамоту хрестъную», т. е. нарушил присягу верности вассала сюзерену и порвал в одностороннем порядке отношения с ним. Он созвал южнорусских князей, пригласил в поход краковского князя Владислава и «идоша на многоглаголивого Володимирка». Тот испугался и принялся искать мира. Когда же он явился с повинной головой к великому князю, «Всеволодъ же усрѣте и съ своею братьею, и вда Всеволоду Володимирко за трудъ (!) 1000 и 400 гривень серебра, — переди много глаголивъ, а послѣди много заплативъ»⁴⁷. В этих иронических и откровенно-недоброжелательных в отношении Володимерка словах летописца передано отношение и киевского государя и прочих южнорусских князей к нарушителю спокойствия Русской земли, политику неверному и скандальному. Володимерко выступает в процитированном тексте князем, способным много обещать, но мало что исполнявшим из обещанного.

Вернусь к обстоятельствам утверждения Володимерка в Галиче. С конца 20-х годов XII в. он княжил в Перемышле. Об этом, наряду с прочими известиями источников, свидетельствует сообщение Киевской летописи за 1144 г. о владении столом Звенигорода его племянником Иваном Ростиславичем⁴⁸. В соответствии с законами престолонаследия на Руси освобождавшийся после смерти того или иного князя стол доставался его следующему по возрасту брату («лествичное восхождение»), но не сыну. Переход стола от отца к сыну («отчинный порядок») вошел в практику междукняжеских отношений после середины XII в. Поэтому кончина Ивана Васильковича в 1141 г., как отмечено в Киевской летописи, позволила Володимерку Володаревичу завладеть Тербовольской и Галицкой волостями. Звенигородское же маленькое княжество ему пришлось отдать сыну старшего двоюродного брата — Ивану Ростиславичу.

С той поры под властью Володимерка оказалась почти вся территория находившейся в процессе формирования Галицкой земли: от Карпатских гор на западе до верховьев Сана на севере и до среднего течения Днестра на юге. Одиноким островком в море его владений оставалось удельное княжество его племянника Ивана Ростиславича. Стычка между могущественным сюзереном и более слабым, но непокорным вассалом была неизбежной, особенно при учете буйного нрава и властного характера Володимерка. Да и Иван Ростиславич, как вытекает из рассказов летописей о нем, ничем не уступал в этом своему дядюшке.

⁴⁴ Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X au XIII siècle. Tabl. III. P. 16.

⁴⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 218.

⁴⁶ Там же. С. 225.

⁴⁷ Там же. С. 226.

⁴⁸ Там же. С. 226.

Само по себе вооруженное столкновение за Галич не столь важно для истории складывания Галицкого княжества. Эпоха удельной раздробленности, начавшаяся в то время, изобилует подобными большими и малыми войнами, походами одного князя на другого и пр. Для темы моего повествования это событие важно разве что тем, что в нем впервые выступают, по моему мнению, люди из ближайшего окружения Володимерка.

Под 1145 г. киевский летописец коротко сообщает: «На ту же зиму вышедшу Володимиру в Тисмянницю на ловы; в то же время послашася галичане по Ивана по Ростиславича в Звенигородъ, и въведоша к собѣ в Галичъ»⁴⁹. Лаконичное известие источника вызвало различные мнения среди историков. Прежде всего, неясно, кто были те «галичане», позвавшие Ивана Ростиславича в князья. Грушевский думал, что ими были горожане, вече Галича. Действительно, события носили массовый характер.

Историки никогда не узнают, на что рассчитывал Иван Ростиславич, вступая в единоборство с могущественным дядей. Вероятно, на свое военное счастье, которое, следует отдать ему должное, не изменяло этому кондотьеру в течение почти всей его политической и военной карьеры. Ведь дружина Ивана была намного слабее Владимировой, а прочие князья враждебно отнеслись к его попытке насильственно завладеть княжеским столом. Своим молодецким, отчаянным поступком Иван поставил себя вне законов феодального общества.

Володимерко узнал об измене в Галиче и пошел с дружиной на город. Жители оказали ему отчаянное вооруженное сопротивление. Военные действия приняли массовый и ожесточенный характер. Летописец эмоционально повествует: «И прииде [Володимир] на нь [галичан]. . . и выѣздяче из города бяхуся крѣпко и мнози падаху отъ обоихъ». Иван Ростиславич едва выбрался из осажденного Галича, потерял Звенигород и превратился в безземельного князя (изгоя), в дальнейшем за деньги служившего разным князьям.

Когда Володимерко сломил сопротивление защитников Галича, он ворвался в город и «многы люди исѣче, а иныя показни казнью злою»⁵⁰. Исходя из массовости наказаний, академик М. Н. Тихомиров в духе своего времени (когда историки видели классовость в любом народном восстании или движении) сделал вывод: «Слово “люди”, как правило, обозначало широкие круги горожан, а отнюдь не боярскую верхушку» и отнес этот кровавый эпизод на счет городской общины стольного града Галицкого княжества⁵¹. Не исключая широкого народного участия в событиях 1145 г. в Галиче, предлагаю иную версию случившегося.

Высказывалось аргументированное мнение, что приглашение Ивана Ростиславича на теплое место Володимерка Володаревича вовсе не было спонтанным взрывом народного гнева. То была тщательно подготовленная акция, с Иваном, вероятно, связались заранее и получили его согласие сесть в Галиче⁵². В подготовке выступления против князя можно видеть и боярские происки. То была типичная ситуация именно для Галича и Галицкой земли. Вспомним издевательства бояр над сыном Володимерка Ярославом, убийство ими внебрачного сына Ярослава Олега, изгнание боярами из города внука Володимерка Владимира, многолетнее сопротивление галицкого великого боярства Даниилу Романовичу. Но если так, то откуда могли взяться столь сильные, богатые и влиятельные бояре в новом городе, ставшем стольным градом лишь четыре года назад?

В свое время мною была высказана мысль, что галицкое боярство, стремительно вышедшее на политическую сцену сразу же после перенесения Володимерком Володаревичем стола из Перемышля в Галич, имело местное происхождение и выросло из племенной знати, сумевшей обзавестись землями и зависимыми крестьянами, воспользовавшись слабостью центральной власти в регионе в 20–40-е годы XII в.⁵³ Я и теперь придерживаюсь в общем этой гипотезы. Но может быть и иное объяснение внезапного появления бояр в Галиче.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 226.

⁵¹ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 202.

⁵² Грушевський М. Історія України-Руси. Т. II. Львів, 1905. С. 420.

⁵³ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. С. 128–129.

Как упоминалось в начале этой статьи, Перемышль возник во второй половине X в., двумя столетиями ранее Галича. Тогда были возведены мощные валы, окружавшие площадь около 1 га. Вероятно, между 1018 и 1030 г. была построена одноабсидная церковь-ротонда. Перемышль быстро рос, и к началу XIII в. городская застройка достигла 30 га. На Замковой горе обнаружены остатки укрепленного княжеского дворца в детинце, внизу располагалось Предградье⁵⁴. В детинце стояла возведенная из «квадратного камня» кафедральная церковь св. Иоанна, поставленная Володарем Ростиславичем, в которой он и был похоронен. Вокруг дворца был расположен княжеский двор. «О княжеском дворе в самом Перемышле мы не имеем никаких подробностей, хотя он, вероятно, был, ибо столицей Перемышль был не только в XI—XII, но и в XIII (веке), среди борьбы за галицкий стол, не раз имел своих князей, пусть и недолговечных»⁵⁵.

От начала 1150-х годов существуют свидетельства о загородном княжеском дворе Володимерка в Перемышле. В 1151 г. продолжилась война между киевским и волынским князем Изяславом Мстиславичем (которого поддерживал венгерский король) и Володимерком Володаревичем. Под давлением превосходящих сил противника Володимерко «единъ утече... в городъ Перемышль». Угры тогда захватили «дворъ князь внѣ города на лузѣ, надъ рѣкою надъ Саномъ, и ту бѣ товаръ в немъ много»⁵⁶. Последнее замечание книжника свидетельствует, что это был настоящий княжеский двор, где были собраны и хранились разные «товары»: продовольствие, оружие, одежда и пр.

То были времена, когда (и даже раньше, в 30-е — в начале 40-х годов XII в.) складывался в качестве властной структуры княжеский двор Володимерка в Перемышле. Грушевский отмечал, что «со времен русских князей, и это, вероятно, еще со времен особых перемышльских князей»⁵⁷ берут начало конюшие села в околицах Медики, известные нам со времен Ягайло»⁵⁸. Ведь существование должностных лиц-конюших, как и прочих чинов двора, должно свидетельствовать о существовании самого двора.

Можно с большой долей уверенности допустить, что, перебираясь в новый для него Галич, Володимерко перевез туда свой двор. Будучи структурой, неразрывно связанной с князем и им же созданной, двор перемещался вместе с государем в случае его перехода на другой стол или даже во время бегства из города под давлением обстоятельств. Мобильность двора государя была вообще характерной для средневековых государств Европы. О том, что короли раннего и развитого средневековья жили и правили в дороге, хорошо известно из источников.

Монарх не осуществлял заранее спланированных и рассчитанных на годы поездок по стране. Ведь в своем мало интегрированном и культурно разобщенном государстве, не имевшем действенного аппарата управления, он находился там и тогда, где и когда его власти нечто угрожало⁵⁹. Как согласно отмечают историки западноевропейского средневековья, государю, если бы он сидел на одном месте, было бы просто трудно прокормить свой двор, свиту, дружину и множество других людей, постоянно бывших вместе с ним. Наконец, путешествия удовлетворяли потребности монархов в развлечениях и посещении монастырей и церквей, разбросанных по всей стране.

Следовательно, есть основания предположить, что «галичане», взбунтовавшиеся против своего князя в 1145 г., были на самом деле привезенными Володимерком из Перемышля — на свою голову! — боярами и прочими чинами его двора.

Определенная, но и относительная в условиях удельного раздробления Руси, стабильность двора как примитивного государственного аппарата опиралась на традицию наследственной службы княжеских дружинников, берущую начало в седой древности. Историки XIX в. (М. П. Погодин и др.) пришли к выводу, что уже в XII—XIII в. служба княжеских дружинников, по крайней мере тех, которые

⁵⁴ Żaki F. Przemyśl // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc. 1970. T. I. Cz. 1. S. 387—388.

⁵⁵ Грушевський М. Історія України-Руси. С. 462.

⁵⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 310.

⁵⁷ От Рюрика Ростиславича до Володимерка.

⁵⁸ Грушевський М. Історія України-Руси. С. 462.

⁵⁹ Усков Н. Ф. Кочующие короли // Двор монарха в средневековой Европе. М., 2001. Вып. 1. С. 33.

попали на страницы летописей, была нередко наследственной. Тем более оснований, кажется, считать, что подобная служба имела место в предыдущие времена, в X—XI в., когда дружинники не имели ни земли ни богатств и полностью пребывали на содержании своего князя, завися от него во всем. Когда дружинник (а впоследствии и член двора, в особенности министерял, обычно принадлежавший к отрокам, младшим дружинникам, а то и совсем не бывший дружинником) вступал на службу к князю, он приносил присягу верности служить — за себя и своих детей.

Крестоцеловальная запись вступавшего на службу человека состояла в клятве князю (которую боярин или дружинник давал за себя и своих детей) верно ему служить, в присяге, что он и его дети всегда и во всем будут желать добра государю, а также по совести, без утайки, сообщать ему о любом «лихе или добре» относительно князя, покоряться ему во всем и, что особенно было важно, не преступать клятвы и «не отъезжать» к другому князю. Такая присяга была в действительности обязательством наследственной службы, потому что после смерти того, кто впервые приносил клятву, обычно присягали его дети — вновь за себя и своих детей.

Тому, что служба бояр, дружинников и вольных слуг была наследственной и отъезды вассалов были не более чем досадным (для государя) исключением, существуют доказательства в источниках. Подобные свидетельства С. Б. Веселовский находил также в истории московского боярства XIV—XV в. «Двор великого князя, — писал он, — складывался постепенно из местных и приезжих слуг, которые в час вступления на службу согласно предыдущей боевой репутации и личным заслугам иного рода размещались во дворе в установленном государем порядке. У каждого было свое “место” и своя “честь” и каждый дорожил своей служебной честью. Двор великого князя, — резюмировал историк, — как аппарат власти был медленно складывавшимся крепким организмом, но вовсе не случайным сбродом случайных людей»⁶⁰.

Со своей стороны, я мог бы привести немало красноречивых фактов верной службы большей части волынского боярства Роману Мстиславичу, его вдове и детям. Бояре сопровождают княгиню Анну в скитаниях по разным странам, преодолевают вместе с ней и ее маленькими сыновьями невероятные трудности и лишения. Боярство Владимира и других городов Волынской земли сыграло решающую роль в деле возвращения этой волости наследникам Романа Мстиславича. Более того, оно служило социальной и военной опорой Даниила Романовича в его усилиях по овладению Галичем и Галицкой землей. Верные Романовичам волыньские «лепшии мужи» самоотверженно боролись с галицкими боярами, во всем поддерживая своего суверена⁶¹.

Но подобная преданность боярства своему господину не была автоматической, ее следовало добиваться, следовало заслужить. Говоря о древнерусской дружине времен Игоря Рюриквича (в то время она составляла элементарный аппарат управления), В. И. Сергеевичметко заметил: «Дружине нельзя приказывать, ее нужно убеждать»⁶². Как свидетельствует летопись, подобные вещи были чужды Володимерку Володаревичу. Он в отношениях и с соседними государями, и с собственными боярами, и даже со своим двором ставил на первое место интриги, коварство и силу. Но этот метод в отношениях с боярами не приносил успеха нигде на Руси, особенно же на Руси Галицко-Волынской.

Сурово подавив мятеж «галичан» 1145 г., Володимерко и в дальнейшем правил в княжестве преимущественно силовыми методами. Во время своей последней войны с Всеволодом Ольговичем киевское войско осадило галицкий город Звенигород. Жители собрались на вече и решили капитулировать. Но «бѣ у нихъ воевода, Володимиръ мужь, Иванъ Халдѣвичъ⁶³, изома у нихъ мужи 3, и уби я, и кождо ихъ перетень на поль, поверже я изъ града; тѣмь и загрози имъ». После этого «начаша ся звенигородьци бити безъ льсти»⁶⁴ и отбили от противника.

⁶⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 466–469.

⁶¹ Котляр М. Ф. Военное мистецтво Давньої Русі. Київ, 2005. С. 50–64 и др.

⁶² Сергевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. I. С. 305.

⁶³ «Дивачне ім'я» — заметил Грушевский (*Грушевський М. Історія України-Руси*. С. 425).

⁶⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 228. Кажется, прозвище «Халдѣвич» указывает на отрицательное отношение галичан к жестокому Ивану (халдеи — библейский народ восточного происхождения, недоброжелательно относившийся к иудеям и Христу).

Насильственные методы, которым Володимерко отдавал предпочтение перед всеми другими в управлении княжеством, не способствовали сплочению общества под его рукой. Приведу пронизательное замечание историка: «В этом восстании (1145 г. — Н. К.) и суровых репрессиях князя можно искать начала того отчуждения князя от общества и возрастания влияния его дружины-бояр за счет политической жизни общества, которые так неприятно дали себя знать в позднейшие времена»⁶⁵.

Когда на Руси началась гражданская война за Киев и верховенство на Руси (1146—1152 г.), Володимерко долгое время воздерживался участвовать в ней. Но постоянная угроза со стороны Изяслава Мстиславича все же побудила его вмешаться в войну в 1149 г. Тогда он женил сына Ярослава на дочери Долгорукого Ольге⁶⁶ и решился присоединиться к владими́ро-суздальскому государю. Вскоре после заключения династического брака, сев на короткое время на киевский престол, Юрий Владимирович «съимася [с Володимерком] в Печерьскомъ монастыри; и сътвориста любовь межю собою велику»⁶⁷. Эта обычная и стандартная в летописях формула означала заключение тесного политического, а в данном случае — еще и военного союза между ними. Понятно, что встрече князей предшествовал обмен посольствами и тщательный труд чиновников относительно отработки текста соглашения, которое было бы невозможно подписать без участия членов двора с обеих сторон.

После заключения союза 1149 г. Володимерко в течение трех последующих лет постоянно и активно поддерживал суздальского князя. В согласовании действий между ними в войне 1149—1152 г. большую роль сыграла дипломатия, в частности галицкая. На княжеских дворах разрабатывались планы военных кампаний. Общий стратегический план князей, характер взаимодействия между ними в 1149—1152 г. выглядели следующим образом. Когда Изяслав Мстиславич на время терял Киев и уходил в свое домениальное владение Владимир Вольнский, галицкий князь держал его под присмотром, внимательно следил за всеми его действиями. Как только Изяслав отправлялся в поход на Киев, Володимерко сразу же вторгся на Вольнь, оттягивая силы соперника от Поднепровья. События тех лет подробно и эмоционально описаны в Киевской летописи, сохранившей даже часть междукняжеской дипломатической переписки тех лет.

Расплавиваясь со своим родичем и союзником, Юрий Владимирович в 1150 г., когда недолго занимал киевский стол, даровал ему «часть»⁶⁸ — область Погорину и город Бужск. Изяслав молча стерпел оскорбление. Но, утвердившись на киевском престоле в 1151 г., он решил сполна рассчитаться с Володимерком и отнять у него данное Юрием. С этой целью он заключил военный союз с венгерским королем Гезой. В 1152 г. полки Володимерка были наголову разбиты войсками Изяслава и Гезы. Ему пришлось признать вассалитет в отношении Изяслава, присягнуть в церкви вернуть ему Погорину и Бужск, обещать полную покорность киевскому государю. Но позже, когда король вернулся с войском в Венгрию, Володимерко изменил данному им слову⁶⁹. В конце года Изяслав Мстиславич послал к нему своего лучшего дипломата, боярина Петра Бориславича с требованием вернуть обещанное.

В Киевскую летопись внесен отчет Петра Бориславича своему князю о поездке в Галич и переговорах с Володимерком. Этот документ, составленный по свежим следам переговоров, при этом эмоционально и ярко, бросает свет на двор Володимерка и содержит краткое описание части его дворца. Приведу соответствующий текст источника, принадлежащий к лучшим образцам древнерусской литературы, в переводе на современный русский язык: «В то время Изяслав послал к Володимерку галицкому Петра Бориславича с крестными грамотами, потому что был он [Изяслав] в Перемышле и с королевскими [Гезы] мужами приводил его [Володимерка] к кресту. Изяслав велел сказать ему:

⁶⁵ Грушевський М. Історія України-Руси. С. 423.

⁶⁶ «Вда Гюрги [Юрій] дчерь свою... за Володимирича за Ярослава в Галичь» (Летопись по Ипатскому списку. С. 275).

⁶⁷ Там же. С. 280.

⁶⁸ Киевские государи начиная с середины XII в., будучи, пусть временами и формально, суверенами Древнерусского государства, даровали различным князьям волости в великокняжеском домене, Киевской земле. То были небольшие, но престижные владения.

⁶⁹ Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 119—124.

«Ты нам с королем целовал крест в том, чтобы вернуть нам все из Русских волостей, и этого всего не выполнил. Я теперь не напоминаю о том, но если хочешь исполнить крестное целованье и быть с нами, то верни мои города, по поводу которых ты целовал нам с королем крест. Если же не хочешь отдать их, то ты преступишь крестное целованье. Вот твои крестные грамоты, а нам с королем с тобой [поступить], как Бог даст!»⁷⁰. Трудно сомневаться в том, что киевский летописец вписал в свой отчет подлинную грамоту Изяслава Мстиславича.

На эти слова Володимерко гордо и надменно ответил: «Ты, брат, выбрал время и короля на меня навел. Но я, если буду жив, или сложу свою голову либо отомщу за себя»⁷¹. После этого уже от своего имени Петр Бориславич молвил Володимерку: «Ты, князь, целовал крест брату своему Изяславу и королю все исполнить и с нами быть, теперь же ты преступил крестное целованье!» Володимерко молвил [явно достав крест из-за пазухи]: «Не этот ли маленький крестик?» А Петр сказал Володимерку: «Князь, хоть крест и мал, но его сила велика и на небе и на земле... Ты же сам говорил, если нарушишь крестное целованье, то не будешь жить!»⁷² Но Володимерко не пожелал его больше слушать и выгнал посла вон. В отчете своему князю Петр Бориславич горько жаловался, что в Галиче ему не дали ни коней, ни корма на обратный путь...

Далее события развивались еще более драматично: «Как только Петр уехал с княжеского двора, Володимерко пошел в церковь св. Спаса к вечерне и когда был на переходе [из дворца] к церкви, то увидел, что Петр едет [со двора], и издевался над ним, крича: “Вон поехал русский муж, забрав все волости!” Сказав так, взошел на хоры»⁷³. Когда отслужили вечерню, он пошел из церкви. И когда был на ступеньках, на том месте, где ругал Петра, то сказал: “Кто это меня ударил в плечо?” И не мог сдвинуться с того места и начал падать. Его подхватили под руки и понесли в горницу, положили в теплую воду с укропом... Володимерко стал совсем изнемогать. Уже пришло время отходить ко сну, а Володимерко князь галицкий умер»⁷⁴.

Внезапная смерть Володимерка произвела чрезвычайно сильное впечатление на общество. Ее однозначно истолковали как божью кару за богохульство и невыполнение клятвы на кресте. Подробно рассмотрев эту историю, Грушевский пришел к такому выводу: «Этот эпизод, записанный, очевидно, со слов того самого посла Изяслава... очень хорошо характеризует нам галицкого князя, которому в истории этой земли принадлежит важное место. Оборотистый и рассудительный, безоглядный и циничный, Володимерко удобно шел к могуществу и силе, помогая себе лисьим хвостом там, где не мог взять волчьим зубом, и привел Галичину к важному значению в русской политической системе, и даже не только в ней. Он-то и построил силу и славу Галичины, которую затем с таким уважением поддержал его сын Ярослав, собирая плоды отцовского труда и оборотистости»⁷⁵.

⁷⁰ «В то же время. Изяслав посла. к Володимиру Галичкому. Петра Бориславича съ крѣтными грамотами. зане тыи башеть. и в Перемышли. с королевы мужи водиль къ ху и реч ему Изяславъ крѣт еси к нама с королемъ цѣловаль. на том тако что Руской волости. то ти все воротити. и того еси всего не оуправиль. нын же азъ того не поминаю всего. но же хоцещи крѣтному цѣлованию оуправити. и с нама быти. то оувороти мои города. на ниже еси к нама с королемъ крѣт цѣловаль. не хоцещи ли дати то съступишь еси крѣтного цѣлованиа. а се твоѣ грамоты крѣтныа. а нама с королемъ с тобою како Бгъ дастъ» (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 461–462).

⁷¹ «Рци брате извремениль на ма. и корола еси на ма възвелъ. но вже буду живъ. то любо свою голову сложу. любо себе мыщю» (Там же. Стб. 462).

⁷² «Кнже крѣт еси к брату своему. къ Изяславу и къ королеви цѣловаль. тако ти вси оуправити. и с нима быти. то ти оуже еси съступишь крѣтного цѣлованиа. и реч Володимирь. сии ли крѣтць малыи. реч Володимиру Петръ. кнже аче крѣт малъ. но сила велика его естъ. на нбси и на земли... и то ти павиль вже всецѣтнаго хѣ а съступиши. то не будещи живъ» (Там же).

⁷³ На Руси князь с семьей обычно стоял на втором этаже храма, на хорах, чтобы не смешиваться с прочими прихожанами.

⁷⁴ «И такоже съѣха Петръ съ кнѣжа двора и Володимирь поиде к божици. къ стму Спсу на вечернюю. и такоже бы на переходѣх. до божици и ту види Петра падуша. и поругаса ему. и реч поѣха мужъ Рускии ѡбуимавъ вса волости и то рекъ иде на полати. и ѡпѣвше вечернюю Володимирь же ѡ божици такоже бы на томъ мѣстѣ. на степени идеже поругаса Петрови. и реч ѡле нѣкто ма оудари за плече. и не може с того мѣста ни мало поступити. и хотѣ летѣти. и ту подьхытиша и подь руцѣ. и несоша и въ горенку. и вложиша и въ оукропъ... Володимирь же нача изнемагати. вѣлми и такоже бы влагомо. и тако Володимирь Галичскыи кнзъ прѣстависа» (Там же. Стб. 462–463).

⁷⁵ Грушевський М. Історія України-Руси. С. 434–435.

С этой тонкой, пронизательной и пристрастной характеристикой основателя Галицкого княжества частично можно бы и согласиться. Разве что не стоит представлять себе дальнейшее движение истории галицких князей, их окружения (двора) и княжества только по восходящей линии. В деятельности Ярослава, тем более его неудачливого сына Владимира, были взлеты и падения, и последних было гораздо больше. Из-за этого их княжество все же не заняло того места на политической карте Древней Руси XII в., которое должно было ему принадлежать по праву. Но обратимся теперь к княжескому двору Ярослава и его сына Владимира.

Двор против князя

(времена Ярослава Владимировича и его сына Владимира)

В годы княжения Володимерка Володаревича его двор едва заметно просматривается на страницах летописи. Этому способствовали и сама колоритная и скандальная (говоря современным языком) фигура государя, закрывавшего своей персоной свое окружение, и естественный ход событий: ведь 40-е — начало 50-х годов были временем складывания двора Владимира как властной структуры, первого, еще несмелого появления в источниках его должностных лиц и чинов. Разве что бояре, главные чины двора и основные актеры политической сцены того времени, изредка проступают на страницах Киевской летописи. С другой стороны, по сведениям этого источника активная деятельность двора Володимерка буквально пронизывает его одиннадцатилетнее княжение. Двор ощущается во всех проявлениях властной деятельности и влияния княжества. Иначе, чем участием людей двора, нельзя объяснить многие меры князя для укрепления своей власти, подавления оппозиции и выступлений против него князей-конкурентов (Иван Ростиславич), а также умелой внутренней русской дипломатии, позволявшей князю до времени балансировать между двумя центрами власти: Киевом и Суздаlem.

Немедленно после смерти отца Ярослав Владимирович вернул с дороги киевское посольство. Не успел Петр Бориславич отъехать от столицы княжества, как «пригна дѣтський из Галича» с просьбой к послу вернуться. «Петръ же поѣха въ градъ, и приѣха на княж дворъ, и ту снидоша противу ему съ сѣнѣи слугы княжи вси в черних мягলেখъ... и взиде на сѣни, и види Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ в черни метли и въ клобуцѣ, також и вси мужи его, и поставиша Петрови столецъ, и сѣде». Ярослав поведал послу о внезапной смерти отца и торжественно молвил ему: «Поѣди къ отцю моему Изяславу, а от мене ся ему поклони». Князь уверил Изяслава в своей преданности и признал вассальную зависимость от него⁷⁶. Однако он не спешил вернуть Изяславу киевские земли, Погоринскую волость и Бужск, что вскоре привело к вооруженному конфликту.

Галицкий двор дает о себе знать, и весьма решительно, вскоре после кончины Володимерка. В январе 1154 г. Изяслав Мстиславич решил силой вернуть себе спорные земли. 16 февраля возле Теревля киевское войско наголову разгромило галицкое. Князь стремился возглавить своих воинов, но «галичський же мужи начаша молвити князю своему Ярославу: «Ты еси молодъ, а поѣди прочь, и насъ позоруй, како ны будеть отецъ твой кормиль и любиль, а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы сложити». Далее бояре снисходительно молвили Ярославу: «Апоѣди, княже, къ городу, ать мы ся бьемъ сами съ Изяславомъ...»⁷⁷

Трудно сомневаться в том, что этими словами бояре — члены двора — сознательно нанесли тяжкое оскорбление своему государю. Ярослав болезненно переживал пренебрежение людей из своего окружения. Не случайно Киевская летопись не раз подчеркивает, что он перестал ходить в походы во главе своего войска, а посылал вместо себя воевод с «помощью» (вооруженным отрядом). Приведу лишь один из многочисленных фактов такого рода. В 1159 г. во время междоусобной войны между черниговскими князьями Изяславом Давидовичем и Святославом Ольговичем на помощь к последнему пришли один из волынских князей Владимир Андреевич со своим полком и «Тудоръ Елчичъ съ галичскою помощью прииде»⁷⁸.

⁷⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 319–320.

⁷⁷ Там же. С. 321.

⁷⁸ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. С. 53.

Все свое четвертьвековое княжение в Галиче Ярославу придется бороться с галицким крупным боярством. Более того, — с собственным двором, главную роль в котором играли приближенные к князю великие бояре. Это была особенность именно галицкого княжеского двора, который, в противоположность дворам прочих русских князей, часто не поддерживал своего государя, а то и восставал против него. Так было и при отце Ярослава Володимерке и при его сыне Владимире. Даже когда в Галиче сменится княжеская династия и на престол сядет Роман из киевско-волинского рода Мстиславичей, местные бояре все равно враждебно его встретят. То же самое произойдет, когда отцовский стол достанется сыну Романа Даниилу.

Уважаемый в средневековом мире государь, могущественный князь, игравший одну из первых ролей на древнерусской политической сцене, Ярослав никогда не был хозяином в собственном доме — ни в своем дворце, ни в своем княжестве. Бояре, равные которым по силе на Руси были разве что в Новгороде Великом, руководили Ярославом, грубо вмешивались не только в государственные дела, но и в его интимную жизнь⁷⁹. Несколько раз они пытались сбросить его с престола.

В 1159 г. боярство надумало заменить своего князя давним врагом его отца, бывшим звенигородским князем Иваном Ростиславичем: «Слахуть бо ся к нему [Ивану] галичане, веляче ему всѣсти на конѣ, и тѣмъ словомъ поушивають его к собѣ, рекуче: “Толико явишь стягы, и мы отступимъ отъ Ярослава”»⁸⁰. Но поход Ивана Ростиславича на Галич, поддержанный еще и киевским князем Изяславом Давидовичем, не состоялся. Ярослав сумел удержать княжество в руках. Очередное испытание — вновь со стороны его двора — ожидало его через четырнадцать лет.

Летописцы обычно мало и неохотно пишут о личной жизни государей на Руси. Все же Киевский свод сумел отразить личную драму Ярослава Владимировича, случившуюся в 1173 г. Как писал наш знаменитый историк, «княгиня Ольга, на которой он был вынужден жениться по политическим мотивам, очевидно не смогла завоевать сердца своего мужа»⁸¹. В. Н. Татищев заимствовал, может быть, из какого-то неизвестного науке источника известие (если только по своему обыкновению не выдумал его!), будто Ярослав охладел к своей жене и принуждал ее постричься в монахини. Но Ольга Юрьевна, которая, можно думать, пошла характером в своего отца, гневно отвергла это позорное для нее предложение.

Уже немолодой тогда Ярослав влюбился. Предметом его страсти стала молодая и, вероятно, привлекательная Анастасия из боярского рода Чагров. Род этот был новый и незнатный, всем обязанный Ярославу. Сначала родовитые бояре презирали его, а затем начали бояться, наблюдая за тем, как многочисленные и энергичные Чагры выдвигаются на первые роли в княжеском дворе, прибирая к рукам княжеское расположение, придворные чины, земли и богатства. Зародился и вызрел новый заговор боярства против государя. Возглавили его влиятельный боярин Константин Серославич и служебный князь Ярослава Святополк.

Княгиня Ольга, можно думать, давно знала о существовании соперницы-Анастасии. Подговоренная заговорщиками, она в 1173 г. демонстративно бежала от Ярослава: «В томъ же лѣтѣ выбѣже княгини Ярославля изъ Галича въ Ляхы, съ сыномъ с Володимиромъ, и Костянтинъ Сѣрославичъ и мнози бояре с нею быша тамо 8 мѣсяций»⁸². То было объявление боярством войны своему государю. Ее сын Владимир начал сношения с волинским князем Святославом, прося у него Червенскую волость, и тот дал ему ее. Но в Червене Владимир получил известие: «Поѣдь до [Галича] вборзѣ, отца ти есмы яли, и приятели его Чаргову чадъ избилѣ; а се твой ворогъ Настаська». Далее «галичани же накладъше огнь сожгоша ю, а сына ея в заточение послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиню въправду (!), и тако уладившееся»⁸³.

⁷⁹ Толочко П. П. Ярослав Осмомисл // Толочко П. П. Историчні портрети. Київ, 1990. С. 257–262.

⁸⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 342.

⁸¹ Грушевський М. Історія України-Руси. С. 442.

⁸² Летопись по Ипатскому списку. С. 384.

⁸³ Там же. С. 385.

История не знает и никогда не узнает того, почему Ярослав так и не отомстил боярам, которые по-зверски убили его любимую и поглумились над ним самим. Наверное, князь тогда оказался полностью в «воле» своего двора и галицкого боярства вообще. Как будто ничего не произошло, он вернулся к власти. Но мир в разрушенном семействе государя так и не наступил. Уже в следующем году княгиня с сыном вновь покинула Галич. Однако Ярослав, можно думать, сделал выводы из происшедшего и сумел удержать ситуацию в своем дворе и княжестве. Бояре на время покорились ему, а лужского князя Ярослава, к которому бежали мать с сыном, галицкий государь вынудил отказать им в приюте. Сын Владимир бежал от одного князя к другому, всюду получал отказ в защите и с повинной головой вернулся в Галич. Княгиня же Ольга перебралась в родной для нее Суздаль и завершила там свой жизненный путь в 1183 г.⁸⁴

Минуло еще более десяти лет, и княжич Владимир вновь покинул Галич. На этот раз уже не по собственной воле: Ярослав выгнал непутевого и неспособного к государственным делам сына. Тот побежал во Владимир, к Роману Мстиславичу вольинскому. Но Роман выпроводил его от себя. Летописец объяснил суровый прием беглеца опасением Романа вызвать гнев Ярослава: «Романъ блюдяся отца его, не да ему опочити у себе». После этого Владимир Ярославич подался к дорогобужскому князю Ингварю, но и тот, «блюдяся отца его и не прия его». Не приняли Владимира Ярославича Святополк в Турове и родной дядя Всеволод в Суздале. Лишь зять его Игорь Святославич дал ему убежище в Путивле⁸⁵. Целых два года прожил Владимир в захолустном маленьком Путивле, пока Ярослав не позволил ему вернуться домой.

Бежали годы, Ярослав старел и терял силы. В начале сентября 1187 г. в предчувствии близкой кончины он составил завещание, которым передал Галич любимому внебрачному сыну Олегу (от Анастасии), а Владимиру — Перемышль. При этом он формально придерживался традиции — ведь в Галицком княжестве согласно давнему обычаю перемышльский стол считался главным. Государь собрал «мужей своих», бояр и старших дружинников, и сказал: «”Се приказываю мѣсто свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимѣру даю Перемишль”... и приводи Володимѣра ко хресту и мужи галичкыя на семь, яко ему не искать подѣ братомѣ Галича». Его решение летописец объяснил тем, что князь любил Олега, а «Володимѣръ не хожаше в волѣ его»⁸⁶.

Но времена, когда крестное целование много значило, давно минули. Да и были ли они когда-то? Сразу же после смерти Ярослава вспыхнул «мятежь великъ», Галицкие мужи вместе с Владимиром, «переступивши хрестьное целование», изгнали Олега и посадили на стол Владимира⁸⁷. Двор считал последнего более подходящим князем, ибо думал, что беспутный и слабовольный Ярославич станет послушной игрушкой в боярских руках. Но, как ни удивительно, бояре просчитались.

Почти сразу же Владимир Ярославич попытался избавиться от боярской опеки, так донимавшей его отца и сократившей ему жизнь. Киевский летописец, использовавший, вероятно, свидетельства какого-то галицкого информатора, под 1188 г. эмоционально воскликнул: «Княжацу Володимеру в Галичкѣи земли, и бѣ бо любезнивь питию многому, и думы не любяшеть с мужми своими, и поя у попа жену...»⁸⁸ Как остроумно заметил Б. А. Рыбаков, «этим было решено все — если князь пренебрегает боярской думой, если он выходит из воли “смысленных”, то уже тем самым плох, и в летопись о нем вносятся всякие порочащие его детали...»⁸⁹.

Итак, с первых месяцев (а может, и дней) князь Владимир Ярославич начал поединок со своим двором. Это была неслыханная вещь для других русских княжеств того времени. Пусть в Новгороде Великом князь постоянно боролся с городской общиной, с вече, но при этом двор всегда и во всем поддерживал своего государя. У Владимира не было шансов выиграть эту борьбу: слишком сильными

⁸⁴ Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь. С. 127.

⁸⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 428.

⁸⁶ Там же. С. 442.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 444. Подчеркнуто мною.

⁸⁹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 514.

были чины и должностные лица двора, опиравшиеся на боярскую массу, слишком слабыми оказались сам князь и его окружение.

Тем временем двор и боярство прибегли к приему, который они неоднократно использовали во времена Данила Романовича. Они решили противопоставить Владимиру другого князя, его вольнского соседа Романа Мстиславича. Занимая скромный вольнский стол, Роман, вероятно, уже давно мечтал о галицком «златокованном» (как его называет «Слово о полку Игореве»⁹⁰) престоле. Но раньше он боялся Ярослава Владимировича.

Да и теперь Роман не сразу отважился идти на Галич, если бы его не позвали бояре. Правда, летописец изобразил дело иначе: «Романъ же слашетъ безъ опаса к мужемъ галичькимъ, подтыкая ихъ на князя своего»⁹¹, — но мне кажется, что инициатива все же исходила от окружения князя Владимира, от бояр его двора. А изобразил инициатором всего предприятия Романа Мстиславича киевский книжник, верный стремлению героизировать будущего основателя Галицко-Вольнского княжества.

Бояре предъявили своему государю ультиматум: выгони попадью! Владимир, вероятно, понял, что это лишь повод, лишь начало боярского восстания против него. Поэтому он взял свою попадью с прижитыми от нее двумя сыновьями, ценности из княжеской сокровищницы и с несколькими верными ему людьми подался в Венгрию. А Роман сел в Галиче, — как оказалось, лишь на миг!

Венгерский король Бела III решительно воспротивился утверждению Романа Мстиславича в Галиче. Он сам покушался на Галицкое княжество, стремясь посадить там сына и превратить эту землю в провинцию Венгрии. Поэтому во главе сильного войска он двинулся на Галич. «И слышавъ Романъ, аже король за Горюю уже⁹², и бѣжа, не мога стати противу ему»⁹³. Король вступил в Галич, но не восстановил Владимира на престоле, а посадил там своего сына Андрея. Киевский автор с осуждением записал: «Король же вѣха в Галичь, не посади в немъ Володимера, но... посади в немъ сына своего Андрѣя... Король же бѣ великъ грѣхъ створилъ, крестъ целовалъ к Володимеру», но не исполнил клятвы. Более того, король забрал с собой Владимира в Венгрию и «всади его на столтъ»⁹⁴, т. е. на какую-то крепостную башню.

Вокняжение венгерского королевича в Галиче означало по существу переход княжества под власть короля. Это вызвало всеобщее возмущение в народе. Поэтому часть бояр под давлением горожан была вынуждена искать путей для избавления от оккупантов. В следующем, 1189 г. «послашася галичькии мужи к Ростиславу к Берладничичю⁹⁵, зовущее его в Галичь на княжение... Он же слышавъ радъ бысть». Но другая часть бояр, чьи родственники были в заложниках у венгерского короля, «держажуться крѣпко по королевичи». Когда Ростислав Иванович подступил к Галичу «в малѣ дружинѣ», ему изменила часть его воинов. Княжич не послушался своих рассудительных дружинников, советовавших отказаться от Галича, начал битву, был сбит с коня и тяжело ранен, от раны и умер. Летописец пересказал слух, будто венгры уморили Ростислава, «приложивше зелье смертное к ранамъ»⁹⁶. Королевич Андрей до времени усидел на Галицком столе.

А законный государь Владимир Ярославич в то время странствовал по миру. Словно в средневековом рыцарском романе, он сумел бежать из башни, куда его заточили угры. При содействии сторожей он «изрѣвавъ шатеръ⁹⁷, и сви собѣ ужище и свѣсися оттуду доловъ»⁹⁸. После чего князь отправился за помощью к германскому императору Фридриху Барбароссе. За громадную сумму в две тысячи гривен серебра (почти полтонны!), которые он обязался выплачивать Барбароссе ежегодно,

⁹⁰ «Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными полкы...» (Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 22).

⁹¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 444.

⁹² Т. е. перешел Карпаты, издавна служившие кордоном между Венгрией и Галичиной.

⁹³ Летопись по Ипатскому списку. С. 445.

⁹⁴ Там же. С. 445.

⁹⁵ Сыну Ивана Берладника.

⁹⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 447.

⁹⁷ Который ему, по свидетельству летописца, поставили на вершине башни.

⁹⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 448.

император поручил своему вассалу польскому князю Казимиру восстановить Владимира на Галицком столе, что тот и сделал. «Галичкий же мужи сръѣтоша его с радостью великою, князя своего и дѣдича, — вероятно, не ощущая всего грустного комизма положения, продолжает летописец, — а королевича прогнаша изъ землѣ своя»⁹⁹.

Однако князь Владимир, пусть и разделявший, можно думать, неискреннюю радость части своих бояр, вовсе не доверял им. Поэтому в следующем предложении источника читаем, что он «посла ко Всеволоду¹⁰⁰, ко уеви [дяде] своему в Суждаль, моляся ему: “Отце господине! Удержи Галичъ подо мною, а язъ Божий и твой есмь со всимъ Галичемъ, а во твоей волѣ есмь всегда”»¹⁰¹. Это было предложение отдаться в вассалы Всеволоду. Владимир Ярославич, как видно, не собирався просить защиты у киевских князей-дуумвиров Святослава Всеволодича и Рюрика Ростиславича, потому что в этом случае его ожидал бы реальный вассалитет. А вот зависимость от далекого Всеволода суздальского виделась ему, наверное, формальной. Как и случилось.

Всеволод Юрьевич был опытным политиком и предвидел, что Святослав с Рюриком будут покушаться на независимость Галицкого княжества. Поэтому он «присла ко всимъ княземъ и ко королеви [угорскому], в Ляхы, и води я ко кресту, на своємъ сестричичѣ Галича не искати николиже подѣ нимь»¹⁰². Тем самым был заключен коллективный договор между русскими князьями, венгерским и польским государями о защите неприкосновенности княжества Владимира и предоставлении ему гарантий безопасности — одно из немногих известных науке для европейского средневековья соглашений такого рода. Благодаря признанию вассалитета от Всеволода Юрьевича Владимир Ярославич в общем спокойно досидел на Галицком столе до самой смерти. Киевский книжник констатировал: «Володимеръ же утвердився в Галичѣ, и оттолѣ не бысть на нь никогоже»¹⁰³.

Историкам мало что известно о последнем десятилетии княжения Владимира Ярославича в Галиче (1189—1199). Он пребывал в дружеских отношениях с киевским князем Рюриком и поддерживал того в борьбе с зятем, вольнским государем Романом Мстиславичем, который продолжал посягать на галицкий престол. Под 1196 г. Киевский извод извещает: «Володимеръ ехавъ со Мъстиславомъ¹⁰⁴, повоева и пожъже волость Романову около Перемиля, а отселѣ Ростиславъ Рюриковичъ¹⁰⁵... ехавше, повоеваша и пожгоша волость Романову около Каменца. И тако ополонившеся челядью и скотомъ и отомъстившеся возвратишася восвоеси».¹⁰⁶

Из географии военных действий этого эпизода можно понять, что общий поход киевского и галицкого князей был предпринят по инициативе Владимира Ярославича, а слово «отомъстившеся» свидетельствует, что перед этим Роман нападал на его волость и, вероятно, на волость Рюрика Ростиславича. И так, слова летописца «не бысть на нь никогоже» следует считать преувеличением. Борьба Романа Мстиславича за галицкий стол продолжалась, и в этой борьбе он, вне сомнения, опирался на симпатизировавшую ему боярскую партию в Галиче. С ее помощью Роман утвердился на галицком престоле после смерти последнего государя из династии галицких Ростиславичей.

Умерший в 1199 г. Владимир Ярославич не оставил законного сына, который мог бы унаследовать отцовский престол. Двое сыновей от пощады в расчет никем не брались. Династия Ростиславичей угасла. И это открыло возможность южнорусским князьям претендовать на галицкий стол. Им овладел Роман Мстиславич.

⁹⁹ Там же. С. 448.

¹⁰⁰ Могушественному владимиру-суздальскому государю Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, которого тогда считали «старейшим» среди всех русских князей.

¹⁰¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 448.

¹⁰² Там же. С. 448—449.

¹⁰³ Там же. С. 449.

¹⁰⁴ Предположительно Мстислав Романович из смоленской династии Ростиславичей (к ней принадлежал и Рюрик киевский), с 1197 г. смоленский князь (см.: *Донской Д.* Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ренн, 1991. Ч. 1. № 401. С. 143).

¹⁰⁵ Сын Рюрика Ростиславича.

¹⁰⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 468.